

Слоним М. Заметки о Чехове // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 24 января. № 17111. С. 2, 7.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

Марк Слоним

Заметки о Чехове

Чехов не любил критиков, и это совершенно понятно: при жизни они его не очень жаловали. В его ранних рассказах литературный обозреватель «Вестника Европы» усмотрел «бессильную и жалкую претензию» и вынес суровый приговор: «юмор и остроумие не под силу Чехову». В начале девяностых годов Михайловский заявил, что «не знает зрелища печальнее, чем этот даром пропадающий талант». Скабичевский предсказывал, что Чехов умрет под забором, а Буренин писал, что успех «Трех Сестер» — «глупый успех, значение рекламы и только, а автора пьесы называл «пустым, вялым, слабым и однообразным». Богданович считал, что Чехов — близорукий и безидейный рассказчик пустяков. За два года до смерти Чехова о нем вышла книжка критических статей, где с его «Пестрыми рассказами» расправлялись без стеснения: «чушь, и притом тяжелая, лишенная всякого проблеска таланта». Некий Берг полагал, что Чехова, «автора самых средних способностей», «раздула еврейская и либеральная пресса».

Сам Чехов, как известно, всегда преуменьшал значение собственных произведений. С обычной для него скромностью, он думал, что о нем когда-нибудь вспомнят лишь как об участнике целой группы, или «артеля», как он говорил. «Всех нас будут знать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Бежицкий, а «восьмидесятые годы» или «конец девятнадцатого столетия».

Любопытно, что историки литературы охотно повторяли это ошибочное мнение. Имена Щегловых и Бежицких давно забыты, Короленко ушел в тень, а Чехова все еще продолжают называть «певцом хмурых людей» и ставят ему в заслугу картину определенной эпохи. Естественно, что после революции 1917 года некоторые критики (среди них были и такие талантливые, как Д. Святополк Мирский) предсказывали, что Чехова скоро перестанут читать, потому что он изобразил потонувший мир, и никому сейчас не интересны личные драмы Раневских и Лавровских и прочих лишних людей. В эпоху великих переворотов, интеллигентские неврастеники и бессильные мечтатели не могут затронуть сердца и умы советских людей. Это пятьдесят лет тому назад три сестры тосковали «в Москву, в Москву», а теперь Москва добралась до их захолустья, и даже для Тузенбаха найдется сегодня осмысленный труд. Весь дух чеховского творчества, его меланхолия, его лирическая мягкость, его снисходительность к человеческим недостаткам, его тон осенней печали не ко двору в наше время жестокой борьбы, грандиозного строительства и официального оптимизма. Для современного читателя Чехов сохраняет лишь исторический интерес. Его творчество — своего рода литературная реликвия, и он постепенно обратится в одного из тех писателей прошлого, которых все уважают, но мало кто читает.

Действительность полностью опровергла все эти предсказания. Чехов не только пережил и затмил многих из своих младших современников, чья звезда загорелась ярким светом в начале столетия (среди них были и Андреев, и Горький), но он стал одним из самых любимых писателей именно в Сов. Союзе — где произведения его расходятся в десятках миллионов экземпляров, а пьесы привлекают толпы зрителей. На Западе — в Европе и Америке — Чехов продолжает служить примером для писателей и пользуется неизменно растущим признанием. Мало того: мы с некоторым удивлением замечаем, что «Скудная история» или «Черный монах» или «Дама с собачкой», и десятки других повестей и рассказов, обладают неувядающей

предостью и звучат необычайно свежо, точно написаны они в наши дни. Даже странно подумать, что Чехов родился столетием назад. И современность его не в том, что многие из его типов и поднесы окружают нас.

К. Чуковский когда-то указывал на великое разнообразие чеховских героев и на широту его охвата жизни, и предлагал вообразить, что случилось бы, если бы персонажи из всех его рассказов вдруг ожили и ринулись на московскую площадь. По мнению Чуковского тут произошла бы и давка, и драка. Но, быть может, многие из тех, кого принято называть чеховскими типами, смешались бы с советской толпой, и она бы признала в них знакомых родных людей: унтер Пришибеев — сотрудник органов государственной безопасности, член футляра — член партийного аппарата, Тригорин — секретарь местного союза писателей. Дело тут, конечно, не в жизненном сходстве, не в совпадении черт действительности — а в том, как мы воспринимаем темы Чехова, его отношение к человеку, его ощущение мира, его своеобразие писателя и художника.

Современность Чехова — в самом методе его рассказов и пьес. За последние пятьдесят лет прогремело столько литературных бурь, было столько поисков новых форм, столько метаний и мечтаний, что мы опять возвращаемся к его уверенной и сжатой манере, к его изобразительной сдержанности, к его недомолвкам, намекам, преуменьшениям, полутонам. Вместо того, чтобы раскрывать душу и думы путем преувеличений, в крайностях и кризисах, как это делал Достоевский и десятки последователей его романтической и драматической манеры, Чехов выбирает прямо противоположный путь: у него самое существо его героев обнажено в полноте бытовых рутин, в обыкновенности жизненных мелочей. Вместо детального анализа у него показательная мелочь, характерный штрих, он художник атмосферы и едва наметенных контуров. Это прекрасно понимал Толстой, сравнивший манеру Чехова с техникой импрессионистов. «Смотришь, как человек будто без всякого разбора, мажет красками, какие попадают ему под руку, — и никакого, как будто, отношения эти мазки между собою не имеют. Но отойдешь, посмотришь, и в общем получается удивительное впечатление. Перед вами яркая неотразимая картина».

Чехова многие упрекали в сухости и холодности. На самом деле, его творчество выражало всю его личность. Об этом отлично рассказал Бунин в своей неоконченной книге о Чехове. «Встретил он меня при ветливо, пишет Бунин, но так просто, что я... принял эту простоту за холодность». Потому их отношения стали сердечнее, но сдержанность осталась, и означала она не равнодушие, а внутреннее целомудрие и отвращение ко всякой фальши, риторике, наигранности. Чехов во всем был подтянут, у него была педантическая любовь к порядку, он очень следил за своей одеждой, в комнатах его была удивительная чистота. В Чехове не было и тени той пассивности и расхлябанности, какой наделены его герои. Наряду со спокойствием и сдержанностью, он обладал и огромной любовью к жизни и жаждой деятельности. Этот вечно болевший человек строил школы, лечил крестьян, писал тысячи писем, давал советы молодым авторам, ездил на Сахалин, участвовал в различных общественных начинаниях. И во всем этом, как и в литературе, он неизменно проявлял «моральную направленность», высокое душевное благородство и глубокую любовь к правде. «Быть правдивым и естественным», пишет о нем Бунин, (Окончание на 7 стр.)

ЗАМЕТКИ О ЧЕХОВЕ

(Начало на 2 стр.)

оставаясь в то же время пленительным, это значит быть необыкновенной по красоте, цельности и силе натурой».

Большинство произведений Чехова — о скуке и пустоте жизни, о тщете усилий, о ржавчине мелочей, об одиночестве, о невозможности пробить стену взаимного непонимания, о ничтожестве людей, об одинаковости судеб. То, о чем он рассказывает — безнадежно, как «Скучная история», эта замечательная повесть о старости, обреченности и ненужности всего земного — об ограниченности ума и о ненужной мудрости опыта. Но Чехов не был угрюмым мизантропом. Он писал Авиловой в октябре 1897 года: «вы сетуете, что герои мои мрачны. Увы, не моя в том вина. У меня выходит это невольно, и когда я пишу, мне не кажется, что я пишу мрачно: во всяком случае, работая, я всегда бываю в хорошем настроении. Замечено, что мрачные люди, меланхолики, всегда пишут весело, а жизнерадостные своими писаниями нагоняют тоску. А я человек жизнерадостный».

Мы склонны преуменьшать чеховский юмор. А ведь все его творчество озарено улыбкой. От гоголевского смеха становится иногда страшно, а от чеховского грустно. Но веселья в нем так много, подлинного, живого, что нельзя и подумать о нем, не вспомнив забавные ужимки его маленьких людишек и комические положения и слова его рассказов и пьес. Он не только большой и глубокий русский писатель и тонкий и умный моралист — он замечательный наш юморист. И юмор его без яда и отравы, он идет от сердца — как и все у Чехова — у которого и наблюдательность, и ум, и ирония и осуждение пошлости проникнуты подлинной сердечностью. В этом тоже, вероятно, одна из причин, почему ни войны, ни революции, не могли подточить его художественной твердыни. В подтянутом, сдержанном, суховатом Чехове больше душевной теплоты и любви к людям и миру, чем у крикливых проповедников и фальшивой гуманности или у высокопарных пророков возвышенной мистики.

Марк Слоним